Что такое грамматические категории (статья)

Инна Ивановна Богатырева

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Статья из журнала *«Русский язык и литература для школьников». — 2013. - № 5. — С. 3–10.*

- Инна Ивановна Богатырева

Инна Ивановна Богатырева
Что такое грамматические категории

Основное различие между языками состоит не в том, что может или не может быть выражено, а в том, что должно или не должно сообщаться говорящими.

Р.О. Якобсон

В школьном курсе русского языка почему-то не принято использовать целый ряд лингвистических понятий и именующих их терминов, несмотря на то, что их употребление не только не вызовет явных затруднений у школьников, но и поможет более адекватно представить структуру и сущность языка. При этом часть такого рода понятий является для средней школы по сути persona non grata, поскольку о них в стандартных учебниках предпочитают просто молчать, а некоторые другие явления представлены, но как-то завуалированно, «под маской» иного термина. Так, в частности, нигде не вводится понятие *грамматическая категория:* его фактически подменяют *морфологическими признаками,* которые могут быть постоянными или непостоянными. Даже в экспериментальных учебных материалах по русскому языку (Русский язык. Экспериментальные учебные материалы для средней школы: В 4 частях / Под ред. И.С. Ильинской и М.В. Панова. — М., 1979–1980.), разработанных под руководством М.В. Панова и написанных под его редакцией коллективом научных сотрудников Института русского языка, говорится не о категориях, а о *грамматических классах* слов и присущих им грамматических значениях и морфологических признаках.

Конечно, понятие *категория* является достаточно сложным и абстрактным, но не более сложным и абстрактным, нежели многие математические, физические или биологические понятия, которыми вволю оперируют наши школьные учебники, рассчитанные на старшеклассников обычных средних школ. Представляется, что оно не сложнее для понимания, чем *интеграл, иррациональное число, логарифм, энтропия, дисперсия, интерференция, мейоз* или *митоз* и т. п. И чрезвычайно важно, что понятием *категория* пользуются почти все вузовские учебники и

пособия, справочные издания, энциклопедии, с которыми неизбежно сталкивается сегодняшний старшеклассник или студент-первокурсник.

Информация

Михаил Викторович Панов — выдающийся российский лингвист, автор многочисленных научных работ по различным проблемам русистики, научно-популярных изданий для детей и методических пособий по преподаванию русского языка в русских и национальных школах; инициатор создания «Энциклопедического словаря юного филолога» (1984 г.) и тома «Языкознание. Русский язык» в серии «Энциклопедия для детей» издательства «Аванта +» (1999 г.).

Что же это такое — грамматическая категория? По определению В.В. Лопатина (Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 1990. —С. 115.), это «система противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями», это некоторое множество однотипных, сходных явлений, имеющих какой-то общий признак. И хотя само понятие *категория,* безусловно, представляет собой некое обобщение, но оно существует не вообще, абстрактно, а вполне реально и конкретно, выражаясь как *общее* в своих *частных* проявлениях.

У каждой части речи в любом языке есть свой собственный набор грамматических (морфологических) категорий, которые ее характеризуют, выделяя на фоне других частей речи.

У существительных и прилагательных в русском языке есть такие грамматические категории, как род, число и падеж, а в ряде германских и романских языков у прилагательных может не быть категории падежа или числа, но при этом существительным в этих языках присуща особая категория определенности-неопределенности, которая отсутствует у других именных частей речи.

У прилагательных во многих индоевропейских языках есть категория степени сравнения, отличающая их от существительных. Но нужно понимать, что и это утверждение применимо далеко не ко всем языкам. Так, в древнегреческом и в санскрите суффиксы, образующие форму степени сравнения, могли иногда добавляться и к основам существительных — в тех случаях, когда в значениях существительных имелся качественный оттенок. Например: др. — гр. βασιλενς'царь' — βασιλεντερος — 'в большей степени царь' (*царь* в сравнительной степени) — βασιλεντερος'самый царственный царь' (*царь* в

превосходной степени). Санскр. Kavitara 'в большей стенени (лучший) поэт' — это сравнительная степень от kavi 'поэт, мудрец'; а gajatama самый лучший слон; слон из слонов (т. е. слон, лучше всех воплощающий в себе самые характерные слоновьи качества)' — превосходная степень от gaja 'слон'. Можно смело утверждать, что одним из важных признаков той или иной знаменательной части речи в большинстве языков мира является наличие у нее особого, присущего только ей состава грамматических категорий.

Итак, в каждой категории обобщаются соотносительные грамматические значения, непременно объединенные каким-то общим признаком, но при этом они противопоставлены друг другу по этому признаку и даже (что чрезвычайно важно) являются взаимоисключающими. И здесь нет никакого противоречия и тем более какой-то сверхсложности или надуманности. Возьмем, к примеру, глагольную категорию лица, представленную в русском языке тремя грамматическими значениями, или *граммемами.* Сходство этих граммем состоит в том, что все они выражают общую идею разграничения участников процесса коммуникации. Но при этом 1-е лицо указывает на то, что говорящий является производителем действия, обозначенного глаголом; 2-е лицо указывает на действие, производимое собеседником, или адресатом; 3-е лицо сообщает, что действие совершается тем, кто непосредственно не участвует в акте коммуникации (т. е. не является ни говорящим, ни собеседником). Таким образом, мы видим, что есть и сходство, и одновременно противопоставленность этих трех граммем друг другу. Что же касается последнего из названных выше свойств — их взаимоисключения — то оно проявляется в том, что конкретная глагольная словоформа может быть формой либо 1-го лица, либо 2-го, либо 3-го. Все три граммемы никак не могут быть совмещены и одновременно выражены в пределах одной словоформы. И это касается всех грамматических категорий: именная часть речи может стоять в форме какого-то одного падежа (либо именительного, либо родительного, либо дательного и т. д.), одного числа (или единственного, или множественного) и т. п.

Следует обратить особое внимание на то, что грамматическая категория объединяет два плана — некое внутреннее содержание, о котором только что было сказано, и его внешнее формальное выражение. Это действительно очень важно: у грамматического значения непременно должен быть (и зачастую даже не один) какой-то внешний, т. е. наблюдаемый в устной или письменной речи способ его выражения.

Так, у грамматической категории лица в русском языке обычно есть возможность заявить о себе при помощи специальных окончаний в формах настоящего или будущего времени в обоих числах: *говорю, говоришь, говорит; скажем, скажете, скажут.* А в прошедшем времени для этой цели используются личные местоимения, поскольку непосредственно внутри самого глагола указать на его лицо невозможно: *я говорил, ты говорил, он говорил.*

В древних индоевропейских языках (санскрите, древнегреческом, латыни и др.) категория лица обычно выражалась внутри глагольной формы не зависимо от времени, наклонения или залога, и по специальному личному окончанию всегда можно было определить лицо и число глагола. Поэтому формы именительного падежа от личных местоимений в этих языках встречаются довольно редко: как правило, это бывает в тех ситуациях, когда на них падает логическое ударение или когда одно лицо противопоставляется другому. Например, как в следующих латинских фразах:

Temporamutanturetnosmutamurinillis. — Времена меняются, и мы меняемся [вместе] с ними (здесь есть местоимение *nos'мы',* хотя на 1-е лицо множ.ч. указывает и окончание — *тиг* в глаголе *mutamur).*

Tarnegohomosum, quamtu. —Я такой же человек, как и ты (здесь стоит местоимение *ego'я',* хотя на 1-е лицо ед.ч. указывает и соответствующая форма от глагола *быть — sum).*

Однако в подавляющем большинстве случаев местоимения в роли подлежащих оказываются в древних языках просто избыточными, не нужными, и их не встретишь, например, в тексте на латыни, но при переводе таких латинских (или древнеиндийских, древнегреческих) предложений принято добавлять соответствующие русские местоимения:

Cogito, ergosum. —Я мыслю, следовательно, существую.
Facile omnes, cum valemus, recta consilia aegrotis damus. —
Когда мы здоровы, то легко даем больным хорошие советы.

Особенно это важно в случаях, когда форма русского глагола не несет в себе информации о грамматическом лице:

Feci, quod potui, faciant meliora potentes. —
Я сделал все, что мог; пусть, кто может, сделает лучше.

Ab altero expectes. alteri quod feceris. —
Жди от другого того, что сам ты сделал другому.

По этим примерам видно, для чего нужны местоимения в русских переводах: по русской словоформе *сделал* нельзя определить, что в первом случае предполагалось 1-е лицо, а во втором — 2-е. В латинских же формах лицо субъекта действия заключено в окончаниях — *i(feci'я сделал'* и *potui'я мог')* и — *eris(feceris'ты сделал')*.

Грамматическая категория обладает еще двумя необычайно важными свойствами — регулярностью и обязательностью. Действительно, если мы посмотрим на любую грамматическую категорию в русском языке, то обнаружим, что она *регулярно* выражается: почти всегда мы должны указать на падеж или род имени, наклонение или время глагола и т. п. Почти, но не всегда. И это «не всегда» не должно нас смущать: надо понимать, что *регулярность* вовсе не означает *вездесущесть*. Да, мы не при каждом словоупотреблении указываем на то или иное грамматическое значение: так, в ряде контекстов может быть не ясен род или число неизменяемого имени существительного. В предложении *До XIV века кофе произрастал в Эфиопии в диком виде* по форме глагола можно понять, что слово *кофе* — мужского рода и стоит в форме единственного числа. В следующем же высказывании ни род, ни число существительного *кофе* никак не проявлены: *Согласно легенде, в середине XVII века мусульманский пилигрим тайно вывез кофе в Южную Индию.*

Для отдельных грамматических категорий в принципе нормальным будет обнаруживать себя только в некоторых, довольно редких ситуациях: если мы, говоря по-русски, хотим понять, одушевленное перед нами существительное или нет, мы можем это сделать только одним способом — поставить его в форму винительного падежа множественного числа. Только в этой падежной форме точно проявится его подлинная сущность: если эта форма совпадет с родительным падежом, то перед нами — одушевленное имя, если с именительным — то неодушевленное. К сожалению, даже винительный падеж единственного числа в ряде случаев нам не поможет: *я вижу девочку, существо и я вижу парту, окно* ничем не различаются. Мы не понимаем по формам слов, что *девочка* и *существо* — одушевленные существительные, а *парта* и *окно* — нет *(девочку = парту, существо = окно)*. А соответствующие падежные формы множественного числа (*я вижу девочек, существ* и *я вижу парты, окна)* нам точно указывают на данную грамматическую категорию: *девочек ф парты* и *существ ф окна*. Все остальные падежи тем более никак не позволят нам определить одушевленность того или иного русского существительного.

В латинском языке данная грамматическая категория

обнаруживает себя по-другому, нежели в русском, но тоже далеко не во всех предложениях. Своего рода лакмусовой бумажкой для одушевленности имен в латыни служит падежная форма субъекта действия при глаголе-сказуемом в форме страдательного залога (В латинском языке в таких случаях используется отложительный падеж (Ablativus)): если существительное стоит без предлога *a(ab),* то этот факт говорит о его неодушевленности. И наоборот: точно такая же падежная форма имени, при которой употреблен этот предлог, возможна только для одушевленных существительных. Например:

Clavusclavopellitur. — Клин клином вышибается.
Liberadiscipulolegitur. — Книга читается учеником.

В других ситуациях (в остальных падежных формах или даже в форме этого падежа, но в иной синтаксической конструкции) данная грамматическая категория в латинском языке не проявляется.

Свойство *обязательности* означает следующее: если какая-то языковая сущность является грамматической, то говорящий на данном языке не может позволить себе не указать на нее. Так, говоря по-русски, мы обязаны употребить глагол в одном из трех времен или в одном из трех наклонений или в одном из двух чисел и т. п. Существительное должно стоять в форме какого-то падежа и какого-то числа: оно не может быть в «никаком» падеже или в «никакой» числе. Если это несклоняемое существительное, мы иногда можем проигнорировать его грамматические характеристики, поскольку они не выражаются внутри самого слова. Но в ряде случаев мы все равно будем обязаны указать на них при помощи других слов и никак не сможем это обойти: *ночной портье, австралийские кенгуру, чашка ароматного капучино.* В большинстве случаев я могу не задумываться о грамматическом роде слова *евро,* но если я употребляю его с числительным *один* или *два,* я обязана выбрать соответствующую форму числительного: *один / одна / одно евро; два / две евро.* Я могу не знать, какого рода слово *евро,* и ошибочно сказать, например, *одно евро* или *две евро.* Пусть даже я и неправильно выберу окончание для числительного, но я его все равно выберу (я не могу употребить просто основу *одн-* или *дв-):* род — *грамматическая* категория в русском языке и следовательно — *обязательная* для говорящих по-русски.

Очень наглядно это свойство грамматических категорий высвечивается при сопоставлении двух языков: одного, где рассматриваемое явление относится к грамматическим, и

второго, где такой грамматический феномен отсутствует. Так, в ряде языков (в том числе в английском и французском) есть категория определенности-неопределенности, которая на уровне грамматики не представлена в русском языке. Говорящие на таких языках не имеют права не указать при помощи соответствующего артикля на данное грамматическое значение существительных. Если же они не употребляют в речи определенный или неопределенный артикль, то делают это не по своей воле, а только в тех случаях, которые оговорены нормами данного языка: например, в сочетании с неисчисляемыми или абстрактными существительными, с именами собственными, в ряде фразеологических оборотов и т. д. (все эти тонкости зависят от конкретного языка и прописаны в учебниках, учебных пособиях, нормативных грамматических справочниках).

При желании говорящий на русском языке, конечно же, может выразить идею определенности или неопределенности при помощи лексических средств: это могут быть разного рода местоимения, числительное *один* в значении *некий,* некоторые частицы, фразовое ударение, порядок слов. Но это все может быть задействовано исключительно по воле говорящего: он вправе употребить указательное или неопределенное местоимение, если это ему подсказывает его языковая интуиция, или не употребить. А если русскоговорящий не укажет на определенность или неопределенность существительного, это не будет речевой ошибкой, нарушением грамматических норм и т. п. — он ведь не должен этого делать, он запросто может без этого обойтись: ведь в нашем родном языке нет такой грамматической категории.

Информации

Нина Михайловна Демурова — не просто выдающийся переводчик, но и исследователь англоязычной литературы (причем, её докторская диссертация была посвящена детской английской литературе XVIII–XIX вв.). Н.М. Демурова — общепризнанный знаток творчества Л. Кэрролла: она является почетным членом Общества Льюиса Кэрролла в Англии и США.

Информация

Нора Галь (Элеонора Яковлевна Гальперина) — блестящий переводчик французской и английской литературы на русский язык, литературный критик, художественный редактор и автор работ по теории перевода.

Чтобы подтвердить это конкретными и довольно наглядными

фактами, можно сравнить тексты на так называемых артиклевых языках с их переводами на русский, «безартиклевый» язык. Для этой цели были взяты небольшие фрагменты из «Алисы в Стране чудес» Л.Кэрролла (начало первой главы) и «Маленького принца» А. Сент-Экзюпери (посвящение Леону Верту и первые две главы), а также их классические переводы на русский язык, выполненные соответственно Н.М. Демуровой и Н.Галь. На 57 случаев употребления артиклей в английском тексте (а если бы считались нулевые артикли, это число было бы заметно больше) приходится всего один (!) вариант перевода определенного артикля на русский язык местоимением *тот:*

When she thought it over afterwards, it occurred to her that she ought to have wondered at this, but at the time it all seemed quite natural. —

Вспоминая об этом позже, она подумала, что ей следовало бы удивиться, однако в тот миг все казалось ей вполне естественным.

Все остальные случаи указания на данную категорию в английском тексте никак не были отражены переводчицей.

В вышеназванном фрагменте из «Маленького принца» на французском языке указание на категорию определенности-неопределенности встретилось 136 раз. При этом подсчете нами учитывались все виды артиклей: определенный, слитный, неопределенный и частичный Слитный артикль — это особая форма определенных артиклей 1e и les, соединяющихся в одно слово с находящимися перед ними предлогами *a* или de: *a* + 1e = au, *a* + les = аих и т. д. Частичный (партитивный) артикль является одной из форм неопределенного артикля и служит для обозначения части целого, неопределенного количества, а также употребляется перед абстрактными существительными. Нора Галь сочла необходимым перевести их на русский язык лишь в трех случаях:

Je veux Men dedier celivre a Venfant qu'a ete autrefois cettegrande personne. —

Я посвящу эту книжку тому мальчику, каким был когда-то мойвзрослыйдруг.

… aulever du jour, quand une drole depetite voix m'a reveille. —

…когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненькийголосок.

Le mouton que tu veux est dedans. —

А в нем сидит такой барашек, какого тебе хочется.

Эти числовые соотношения, конечно, показательны и совсем не удивительны: нет сомнений, что в текстах других жанров и стилей число «переведенных» артиклей (т. е. указаний на

определенность или неопределенность русских существительных) может оказаться еще меньше.

Таким образом, мы видим, насколько важно и полезно для адекватного описания многих языковых явлений вводить термин *грамматическая категория*. Благодаря этому понятию можно в большей степени приблизиться к пониманию сущности языка вообще (т. е. языка как особой коммуникативной системы) и конкретных языков в частности. Сейчас мы посмотрели на грамматические категории и на то, как они представлены в разных языках в самом общем виде. Гораздо интереснее представить их под несколько иным углом зрения: выяснить не только то, какие типы значений в языках мира эти категории выражают, но и насколько своеобразно в них отражается окружающая нас неязыковая действительность.

Инна Ивановна Богатырева кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова